

<https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1435>

Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области – Кузбасса)

В.Л. Квинт^{1,2} , И.В. Середюк^{3,4}

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

² Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», 119049, Москва, Ленинский просп., д. 4, стр. 1, Российская Федерация

³ Администрация Правительства Кемеровской области – Кузбасса, 650064, Кемерово, Советский просп., д. 62, Российская Федерация

⁴ Кемеровский государственный университет, 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6, Российская Федерация

 seriv009@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление глобальных, национальных, региональных трендов, влияющих на создание и развитие открытых диффузных агломераций в Кемеровской области – Кузбассе (Северо-Кузбасской и Южно-Кузбасской), оценка их взаимного соответствия. Исследование базируется на общей теории стратегии и методологии стратегирования отечественной научной школы, разработанных в Центре стратегических исследований Института математических исследований сложных систем и на кафедре экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова: использован метод OTSW-анализа, а также экономико-статистический инструментарий обработки количественных данных. Разработана авторская классификация трендов, связанных с развитием открытых диффузных агломераций. На глобальном уровне стратегические возможности для них связаны с такими трендами, как: изменение значимости расстояний между участниками агломерации под влиянием цифровых технологий, переход к вертикальной многоуровневости городов, развитие креативных и умных городов (влияют на агломерацию в целом); рост сельского туризма, экопоселений, диверсификация экономики села (влияют, преимущественно, на сельские муниципальные районы агломерации); цифровизация, дифференцированная урбанизация, изменения климата и зеленый переход (влияют, в основном, на города). Показано, что тренды цифровизации, зеленого перехода создают риски роста пространственного неравенства, а также для обеспечения региональных стратегий ресурсами. Данные риски могут быть парированы на основе гармоничного развития диффузных открытых агломераций. На национальном уровне на открытые диффузные агломерации влияют динамика российской экономики в целом, смена подхода к пространственному развитию страны, изменения пространственной значимости отдельных агломераций, снижение доступности жилья. В Кемеровской области – Кузбассе позитивным является создание законодательной базы агломерационного развития. Имеются тренды, обуславливающие риски, в частности, рост внутреннего пространственного неравенства, снижение доли региона в российской экономике, ослабление конкурентоспособности, потенциала базовых отраслей специализации. В результате исследования выявлены стратегические возможности внешней среды, которые следует использовать для определения миссии, видения, стратегических приоритетов открытых диффузных агломераций.

Ключевые слова: стратегирование, стратегические тренды, OTSW-анализ, открытые диффузные агломерации, Кемеровская область – Кузбасс, урбанизация, цифровые технологии

Для цитирования: Квинт В.Л., Середюк И.В. Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области – Кузбасса). *Экономика промышленности*. 2025;18(1):7-23. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1435>

Strategic assessment of the compliance of open diffuse agglomerations with global, national and regional trends (Kemerovo region – Kuzbass agglomerations case study)

V.L. Kvint^{1,2} , I.V. Seredyuk^{3,4}

¹ Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

² National University of Science and Technology “MISIS”,
4-1 Leninskiy Ave., Moscow 119049, Russian Federation

³ Administration of the Government of the Kemerovo Region – Kuzbass,
62 Sovetsky Ave., Kemerovo 650064, Russian Federation

⁴ Kemerovo State University,
6 Krasnaya Str., Kemerovo 650000, Russian Federation

 seriv009@mail.ru

Abstract. The objective of the study is to identify global, national, and regional trends that influence the creation and development of open diffuse agglomerations in the Kemerovo region – Kuzbass (North Kuzbass and South Kuzbass), and to assess their mutual compliance. The study is based on the general theory of strategy and strategizing methodology of the Russian scientific school developed by the Center for Strategic Research at the Institute of Mathematical Research of Complex Systems and the Economic and Financial Strategy Department at Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University; the OTSW analysis method and economic and statistical tools for processing quantitative data are used. The author’s classification of trends associated with the development of open diffuse agglomerations has been developed. At the global level, strategic opportunities for them are associated with such trends as: changing the significance of distances between agglomeration participants under the influence of digital technologies, transition to vertical multi-level cities, development of creative and smart cities (affect the agglomeration as a whole); growth of rural tourism, eco-settlements, diversification of the rural economy (affect mainly rural municipal districts of the agglomeration); digitalization, differentiated urbanization, climate change and green transition (affect mainly cities). It is shown that digitalization and green transition trends create risks of increasing spatial inequality, as well as for providing regional strategies with resources. These risks can be countered based on the harmonious development of diffuse open agglomerations. At the national level, open diffuse agglomerations are affected by the dynamics of the Russian economy as a whole, a change in the approach to the spatial development of the country, changes in the spatial significance of individual agglomerations, and a decrease in the affordability of housing. In the Kemerovo region – Kuzbass, the trend of creating a legislative framework for agglomeration development is positive. There are trends that cause risks, in particular, an increase in internal spatial inequality, a decrease in the region’s share in the Russian economy, a weakening of competitiveness, and the potential of basic industries of specialization. The study revealed strategic opportunities in the external environment that should be used to determine the mission, vision, and strategic priorities of open diffuse agglomerations.

Keywords: strategizing, strategic trends, OTSW analysis, open diffuse agglomerations, Kemerovo region – Kuzbass, urbanization, digital technologies

For citation: Kvint V.L., Seredyuk I.V. Strategic assessment of the compliance of open diffuse agglomerations with global, national and regional trends (Kemerovo region – Kuzbass agglomerations case study). *Russian Journal of Industrial Economics*. 2025;18(1):7–23. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2025-1-1435>

对开放分散型城市群与全球、国家和地区趋势的一致性进行战略评估 (以克麦罗沃州-库兹巴斯城市群为例)

V.L. 昆特^{1,2} , I.V. 谢列久克^{3,4}

¹ 莫斯科罗蒙诺索夫国立大学, 119991, 俄罗斯联邦莫斯科列宁山1号

² 国立研究型技术大学 "MISIS", 119049, 俄罗斯联邦莫斯科列宁斯基大街4号1栋

³ 克麦罗沃州政府行政部门 – 库兹巴斯, 650064, 俄罗斯联邦克麦罗沃苏维埃大街62号

⁴ 克麦罗沃国立大学, 650000, 俄罗斯联邦克麦罗沃克拉斯纳亚街6号

 seriv009@mail.ru

抽象的: 研究的目的是确定影响克麦罗沃地区 – 库兹巴斯 (北库兹巴斯和南库兹巴斯) 开放式分散集聚区的创建和发展的全球、国家和区域趋势, 并评估它们之间的相互遵从性。本研究以 V.L. 院士的战略一般理论和战略制定方法论为基础。V.L. Kvint, 使用了 OTSW 分析方法以及用于处理定量数据的经济 and 统计工具。作者对开放式弥散型集聚的发展趋势进行了分类。在全球层面, 它们的战略机遇与以下趋势相关: 在数字技术的影响下, 城市集聚参与者之间的距离的重要性发生变化, 向垂直多层次城市的转变, 创意城市和智慧城市的发展 (影响整个城市集聚); 乡村旅游业、生态村的发展、农村经济的多样化 (主要影响城市群的农村市区); 数字化、差异化城市化、气候变化和绿色转型 (主要影响城市)。结果表明, 数字化和绿色转型趋势带来了加剧空间不平等的风险, 同时也为区域战略提供了资源。这些风险可以通过分散开放型城市群协调发展来应对。在国家层面, 开放式分散式集聚区受到俄罗斯整体经济动态、国家空间发展方式的变化、个别集聚区空间意义的变化以及住房供应减少的影响。在克麦罗沃州—库兹巴斯市, 创建城市群发展立法基础的趋势是积极的。存在决定风险的趋势, 特别是内部空间不平等的扩大、该地区在俄罗斯经济中的份额下降以及基础专业化部门竞争力和潜力的减弱。研究结果确定了外部环境的战略机遇, 应用于确定开放式分散型城市群的使命、愿景和战略重点。

关键词: 战略制定、战略趋势、OCV 分析、开放扩散集聚、克麦罗沃州 – 库兹巴斯、城市化、数字技术

Введение

Россия и ее регионы в условиях новой реальности сталкиваются с крупными вызовами обеспечения безопасности, устойчивого социально-экономического развития, формирования технологического суверенитета. Новые приоритеты страны на долгосрочную перспективу установлены Указом Президента РФ В.В. Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹, рядом важнейших документов стратегического планирования, включая Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до

2036 года², Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации³.

Теория стратегии и методология стратегирования, разработанные в Центре стратегических исследований Института математических исследований сложных систем и на кафедре экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, уделяют особое внимание использо-

¹ Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 г. № 309. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 10.01.2025).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQa8S9R91B.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Стратегия научно-технологического развития РФ. Утверждена Указом Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145. Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/HNNAzTIIguyX9Y00yaFA4KkMWPYyWS8.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

ванию инноваций, нестандартных подходов для достижения успешных победных результатов, опережения конкурентов. Согласно одному из правил стратегического мышления «Поддержка стратегически важных инноваций может обеспечить огромные стратегические конкурентные преимущества» [1, с. 39]. Именно время и инновации позволяют сформировать у объекта стратегирования такие характеристики, как ускорение и асимметрия, действовать непредсказуемым образом, добиваться успеха [2, с. 57]. В частности, при разработке под руководством В.Л. Квинта «Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года» принципиальное внимание уделялось уникальным конкурентным преимуществам, связанным с технологиями и инновациями [3, с. 295].

В практике управления Кемеровской областью – Кузбассом продолжается поиск и внедрение нестандартных, инновационных решений в разных сферах. Так, в 2022 г. в регионе были созданы две агломерации – Кемеровская и Новокузнецкая, позже получившие названия «Северо-Кузбасская» и «Южно-Кузбасская» [4, с. 288]. Основными целями развития агломераций являются улучшение доступности инфраструктуры, снижение пространственного неравенства, экономический рост на основе инновационного, научно-технического развития [5, с. 243]. Однако сами по себе агломерации – это далеко не новая форма пространственной организации экономики и системы расселения. Традиционные агломерации хорошо известны в теории и на практике, соответственно, со стратегической точки зрения, их создание не может быть в полной мере отнесено к наиболее продуктивным, неожиданным для конкурентов асимметричным стратегиям.

Поэтому в Кемеровской области – Кузбассе в соответствии с правилами стратегического мышления и законами стратегии созданы агломерации нового типа, которые объединяют все муниципальные образования, всю территорию региона. Это отличает кузбасский подход от других субъектов Российской Федерации, которые формируют агломерации лишь на части своей территории, где существует скопление населенных пунктов с интенсивными связями [6, с. 384–385]. Авторами предложено назвать кузбасские агломерации открытыми диффузными, поскольку они лучше соответствуют Законам стратегии [7]. Однако стратегирование любого объекта, в том числе данных агломераций, предполагает анализ внешних по отношению к ним трендов, поэтому «разработка стратегии начи-

нается с анализа прогнозов, изучения внешней среды...» [2, с. 69].

Исходя из сказанного, цель исследования – выявление глобальных, национальных, региональных трендов, влияющих на создание и развитие открытых диффузных агломераций в Кемеровской области – Кузбассе, оценка их взаимного соответствия.

Материалы и методы

Методологической основой исследования является OTSW-анализ, согласно которому требуется начинать анализ оценки внешней, а не внутренней среды (в контексте данной статьи рассматривается только внешняя среда): «именно OTSW-анализ обеспечивает временные преимущества для распознавания стратегических возможностей...» [8, с. 31]. Иными словами, анализ позволяет максимально быстро выявлять стратегические шансы, которые в турбулентном мире возникают и исчезают очень быстро [9]. Необходимо использовать окна возможностей, опережая конкурентов, что наиболее эффективно реализуется при применении OTSW-анализа, а не SWOT-анализа, широко используемого в традиционных маркетинговых исследованиях. Если начинать стратегический анализ с оценки внутренней среды, это приведет не только к отставанию от конкурентов по фактору времени, но также будет способствовать замыканию регионов и организаций, их лидеров на самих себе. Когда в стратегии изначально отталкиваются от существующей ситуации в регионе, компании, то оценка трендов окружающего мира окажется не только запоздалой, но и неверной, стратегически близорукой.

Также в работе использованы методы экономико-статистического анализа, системно-структурного анализа. Материалами для эмпирического исследования послужили документы, публикации, прогнозы ООН и ее подразделений, Всемирного банка, Всемирного экономического форума, ЮНЕСКО, Организации экономического сотрудничества и развития, Международной организации труда, ряда компаний, занимающихся прогнозированием. Для оценки национальных, региональных трендов использованы материалы Министерства экономического развития РФ, Федеральной службы государственной статистики, ее территориального органа по Кемеровской области – Кузбассу, документы стратегического планирования федерального, субфедерального уровня, публикации различных исследовательских, аналитических организаций России.

Результаты и обсуждение

В документах и прогнозах ведущих международных, российских организаций отсутствуют специфичные данные относительно трендов, влияющих непосредственно на открытые диффузные агломерации, поскольку это новый объект стратегирования. Поэтому акцент был сделан на важнейших трендах, значимых для понимания будущего городов, сельской местности, а также агломерационных, урбанизационных процессов в мировом масштабе. Среди общероссийских и кузбасских трендов выделялись также возможности, угрозы, новые вызовы, ответы, которые могут быть даны на основе создания агломераций нового типа. Авторское структурирование основных трендов для последующего анализа представлено на рис. 1.

Изменение значимости расстояний между населенными пунктами. Согласно традиционным представлениям об агломерационном развитии, большую роль играет рациональное расстояние между участниками. Такие ученые, как Е.Г. Анимица, Н.Ю. Власова [10, с. 112], Е.Н. Перцик [11, с. 63], С.Н. Растворцева [12, с. 87], А.В. Суворова [13], отмечают, что важным определяющим признаком агломерации является географическая близость входящих в нее на-

селенных пунктов. Слишком малая дистанция приводит к образованию «агломерационной тени», когда центры подавляют развитие средних, малых городов, абсорбируя их ресурсы за счет эффекта короткого транспортного плеча. Слишком большое расстояние, напротив, не позволяет сформироваться достаточно интенсивным взаимодействиям. В свою очередь, физические расстояния между населенными пунктами нельзя, разумеется, изменить произвольно, что сужает возможности развития агломераций, особенно нестандартного типа.

Однако строительство высокоскоростных магистралей (автомобильных, железнодорожных), интенсификация цифровых взаимодействий, появление бесконтактной экономики привели к тому, что переток знаний, иные агломерационные эффекты все меньше зависят от физических расстояний. В исследовании В. Фу, Ц. Луо, С. Хи (W. Fu, C. Luo, S. He) показано, что «Географическая близость больше не является предпосылкой для эффектов перетока агломерации. С появлением сетей транспортной инфраструктуры и быстрым развитием коммуникационных технологий несмежные города также взаимодействуют и разделяют преимущества агломерации» [14].

Рис. 1. Основные тренды, влияющие на создание и развитие открытых диффузных агломераций

Fig. 1. Main trends influencing the creation and development of open diffuse agglomerations

В документах Всемирного банка отмечается, что передовые технологии позволяют значительно сократить экономические расстояния (определяемые временем в пути, транспортными издержками). Так, использование автомагистралей обеспечивает экономии транспортных расходов около 20 %⁴. Следовательно, технологические тренды в сфере транспорта и цифровизации расширяют возможности создания и развития агломераций с более широким кругом участников, большей физической протяженностью расстояний. Однако это требует развития транспортной инфраструктуры. В данном контексте стратегическую значимость приобретает создание высокоскоростных магистралей.

«Перегрузка» городов. Продолжающаяся концентрация населения, деловой активности в крупнейших городах связана с негативными последствиями. К ним относятся чрезмерное удорожание ряда благ (например, аренды жилья), очень высокая стоимость жизни, перегрузка транспортной и коммунальной инфраструктуры, плохая экологическая обстановка, шумовое и световое загрязнение, повышенный уровень стресса вследствие сенсорных перегрузок. По мнению ученых, существуют определенные «пределы роста» крупнейших центров, за которыми недостатки начинают перевешивать их преимущества [15].

Всемирный банк выделяет негативный под-тренд разрастания неформальных поселений (фавелы, виллы, геджеконду) в крупных городах стран с низким уровнем дохода. Данные поселения не отвечают праву человека на достаточное жилище (согласно требованиям ООН), в них крайне неблагоприятная социальная обстановка⁵. Во многом по этой причине пространственная концентрация в развивающихся странах не дает позитивных результатов. В материалах Всемирного экономического форума отмечается, что положительные результаты урбанизации неразрывно связаны с рисками, включая недостаток инфраструктуры, распространение инфекционных болезней, социальную нестабильность⁶.

⁴ Shrinking Economic Distance. Understanding How Markets And Places Can Lower Transport Costs In Developing Countries. 2024. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/0c3172ea-7ff1-4d95-8adf-2a6b7c25b73a/content> (дата обращения: 15.01.2025).

⁵ Urban Development. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/topic/urbandevelopment/overview#2> (дата обращения: 15.01.2025).

⁶ Lehmann A.P. Sprawling cities, growing risks? January 15, 2015. Режим доступа: <https://www.weforum.org/stories/2015/01/sprawling-cities-growing-risks/> (дата обращения: 15.01.2025).

Данный тренд требует эффективного управления процессами развития крупнейших городов. При этом ряд связанных с ним рисков может быть купирован в агломерациях со сбалансированной моделью расселения людей.

Вертикальная многоуровневость городов. В исследовании Всемирного банка 2021 г. выделяют внешнее расширение границ городов по горизонтали («блин»). При нем не происходит увеличения производительности труда и роста доходов, сопоставимых с ростом численности населения (характерно для развивающихся стран). Ему противопоставляется вертикальный и внутренний рост («пирамида»), связанный с заполнением пустующих участков, увеличением этажности⁷. Устойчивое развитие возможно в основном при пирамидальном типе роста [16]. Однако оно имеет свои ограничения и риски, включая создание «анклавов богатства», поскольку стоимость строительства, эксплуатации недвижимости пропорциональна этажности. Тем не менее существует потенциал использования эффектов пирамидального роста для технологических прорывов в интересах всей агломерации.

Рост креативных городов. Согласно ЮНЕСКО, креативный город ставит творчество, культурные индустрии в центр своей стратегии, сотрудничает на международном уровне, в частности, для реализации 11-й Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН («Устойчивые города и населенные пункты»⁸). В программу ЮНЕСКО «Сеть креативных городов»⁹ входит около 300 участников (в России это Ульяновск, Казань, Каргополь, Санкт-Петербург, Великий Новгород). Сотрудничество ведется в области ремесел, народного искусства, дизайна, кино, гастрономии, литературы, медиаискусства, музыки (в данных сферах в креативных городах занято 10–15 % работников)¹⁰. В индустриальных городах, характерных для Кемеровской области – Кузбасса, креативные индустрии чаще всего не являются актуальными конкурентными преимуществами. Однако нали-

⁷ Pancakes to Pyramids. City Form to Promote Sustainable Growth. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstreams/851fe720-257d-5acd-a214-3d253350f11d/download> (дата обращения: 15.01.2025).

⁸ Цели в области устойчивого развития. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 15.01.2025).

⁹ Global Cities Hub Strategic Framework. 2025–2028. Режим доступа: https://globalcitieshub.org/wp-content/uploads/2025/01/strategic_framework_25-28_web.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁰ UNESCO Creative Cities Network. Режим доступа: <https://globalcitieshub.org/en/unesco-creative-cities-network/> (дата обращения: 15.01.2025).

чие данного тренда дает шансы на выявление, подключение к глобальным инициативам каких-либо перспективных в этом отношении городов (потенциально это могут быть, например, Мариинск, Гурьевск и др.).

Создание умных городов. Согласно документам программы ООН-Хабитат, умный город «использует информационно-коммуникационные технологии и другие средства для повышения качества жизни, эффективности городских операций и услуг, а также конкурентоспособности, обеспечивая при этом удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений»¹¹. Активно применяются такие технологии, как Интернет вещей, создание цифровых двойников, большие данные, предиктивная аналитика для решения управленческих задач в сфере инфраструктуры, архитектуры и строительства, логистики, жизнеобеспечения, социальных услуг. В перспективе все большее значение для управления умным городом будет приобретать искусственный интеллект.

Прогноз Организации экономического сотрудничества и развития предполагает, что объем мирового рынка умных городов должен возрасти с 512 млрд долл. США в 2022 г. до 1024 млрд долл. США в 2027 г.¹² По прогнозу *Fortune Business Insights*, в 2023 г. этот показатель составлял 768 млрд долл. США, а к 2032 г. достигнет 4648 млрд долл. США. В 2050 г. около 60 % населения мира будет жить в умных городах¹³. Есть и другие прогнозные оценки, которые несколько отличаются, но в целом ожидается динамичный рост умных городов. Данный тренд имеет стратегическую значимость для крупных центров открытых диффузных агломераций, чтобы обеспечить их конкурентоспособность на национальном, глобальном уровне. Вместе с тем, создание умных городов должно подчиняться требованию диффузии инноваций на периферию, поскольку в противном случае усилится неравенство центров и малых населенных пунктов.

¹¹ United Nations Human Settlements Programme. Resolution adopted by the United Nations Habitat Assembly on 9 June 2023. Режим доступа: https://unhabitat.org/sites/default/files/2023/09/english_9.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

¹² The OECD Programme on Smart Cities and Inclusive Growth. Режим доступа: <https://www.oecd.org/en/about/programmes/the-oecd-programme-on-smart-cities-and-inclusive-growth0.html> (дата обращения: 15.01.2025).

¹³ Smart Cities Market Size, Share & Industry Analysis, By Component (Infrastructure & Environment, People & Society, Transportation & Mobility, and Governance and Management), and Regional Forecast, 2024–2032. Режим доступа: <https://www.fortunebusinessinsights.com/industry-reports/smart-cities-market-100610> (дата обращения: 15.01.2025).

Сельский туризм. По определению Всемирной туристской организации ООН, это «вид туристической деятельности, при котором впечатления посетителя связаны с широким спектром продуктов, как правило, связанных с деятельностью на природе, сельским хозяйством, сельским образом жизни/культурой»¹⁴. Такому туризму отводится значительная роль в процессах создания рабочих мест, достижения устойчивого инклюзивного роста сельских территорий, сохранения историко-культурного наследия, местной аутентичности.

Спрос на сельский туризм в урбанизированных странах растет в силу многих экономических, социально-психологических факторов, включая усталость от высокоинтенсивного образа жизни в крупных городах. О его потенциале говорит пример области Лигурия, где действует около 25 тыс. объектов размещения для сельских туристов с 285 тыс. мест (5,5 % от общего количества мест в коллективных средствах размещения всей Италии) [17]. Большинство прогнозов рынка сельского туризма предполагает его быстрый рост:

– от 103 млрд долл. США в 2023 г. до 198 млрд долл. США в 2030 г., среднегодовые темпы прироста около 6,8 % (*Future Market Insights Inc.*)¹⁵;

– 98 млрд долл. США в 2024 г. до 141 млрд долл. США в 2029 г. (*The Business Research Company*)¹⁶;

– 110 млрд долл. США в 2024 г. до 178 млрд долл. США в 2031 г. (*Coherent Market Insights*)¹⁷;

– 102 млрд долл. США в 2023 г. до 178 млрд долл. США к 2032 г., среднегодовые темпы прироста около 6,4 % (*Market Data Forecasts*)¹⁸.

Таким образом, прогнозы предполагают рост рынка сельского туризма со 100–110 млрд долл. США в 2023–2024 гг. до 150–200 млрд долл. США к началу 2030-х годов. Это создает окно возможностей активизации сельского туризма в периферийных районах в интересах всей агломерации.

¹⁴ Rural Tourism. Режим доступа: <https://www.unwto.org/rural-tourism> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁵ Rural Tourism Market. Режим доступа: <https://www.futuremarketinsights.com/reports/rural-tourism-market> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁶ Rural Tourism Global Market Report 2025. Режим доступа: <https://www.thebusinessresearchcompany.com/report/rural-tourism-global-market-report> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁷ Global Rural Tourism Market Size and Share Analysis – Growth Trends and Forecasts (2024–2031). Режим доступа: <https://www.coherentmarketinsights.com/industry-reports/global-rural-tourism-market> (дата обращения: 15.01.2025).

¹⁸ Global Rural Tourism Market Research Report. Режим доступа: <https://www.marketdataforecast.com/market-reports/rural-tourism-market> (дата обращения: 15.01.2025).

Экопоселения и дауншифтинг. Тренд характерен в основном для стран Глобального Севера. Он отражает запрос части людей на изменение образа жизни, включая благоприятную экологическую обстановку, более устойчивую модель потребления, избегание негативных сторон жизни в больших городах. Экопоселения предполагают снижение нагрузки на окружающую среду на основе более экологичного производства и потребления. Тренд дауншифтинга мотивируется предпочтениями в пользу свободного времени, спокойствия, хобби взамен более высоких доходов, быстрого ритма жизни в мегаполисах с соответствующим уровнем стресса. Нередко дауншифтеры переезжают в развивающиеся страны, из городов – в сельскую местность.

Количественные параметры экопоселений и дауншифтинга не характеризуются систематизированной статистикой, прогнозами в силу неполной определенности объекта наблюдения. По данным *Global Ecovillage Network* («Глобальная сеть экопоселений»), особый консультант при Экономическом и Социальном Совете ООН, на момент выполнения исследования в эту организацию входило около 1200 поселений, их количество постепенно растет (в 2014 г. насчитывалось около 500¹⁹), однако это не исчерпывающая оценка.

Тренды развития экопоселений, дауншифтинга можно оценить неоднозначно, поскольку пока практически нереально представить себе развитую высокотехнологичную экономику, в которой существенная часть людей ведет подобный образ жизни. Однако экопоселения могут играть нишевую роль в крупных агломерациях, предоставляя более широкий спектр возможностей выбора жизненной траектории в соответствии с ценностями, интересами каждого человека, что соответствует основным постулатам теории стратегии, методологии стратегирования.

Диверсификация экономики села. Традиционная отрасль специализации сельской местности – аграрная экономика постепенно замещается другими. На это оказывают влияние как уже упомянутый сельский туризм, так и другие тренды, в частности повышение технологического уровня сельского хозяйства, снижение его потребности в рабочей силе, а также деятельность крупных агрохолдингов, концентрирующих производство. Соответственно, сельское население переключается на другие виды занятости.

По данным Международной организации труда, в Азии, Африке, Латинской Америке от 20 до 50 % жителей села занято вне аграрной сферы²⁰. При этом большинство сельских домохозяйств стремится комбинировать доходы от разных видов деятельности (даже в развитых государствах). Например, в Великобритании в 2023–2024 гг. диверсифицированную деятельность вели более 70 % ферм²¹. В значительном количестве стран как с высоким, так и с низким уровнем дохода диверсификация рассматривается в качестве одной из целей развития села. Данный тренд дает возможность комбинировать разнообразные более сложные виды деятельности на сельской территории агломераций с учетом построения связей городов и сел вне рамок сельского хозяйства.

Цифровизация. Наряду с развитием умных городов, цифровые технологии обуславливают следующие тренды, значимые с точки зрения стратегирования открытых диффузных агломераций:

- цифровизация не только городов, но и деревень, появление, тиражирование умных деревень [18], что значимо для сглаживания пространственного неравенства;

- пространственная концентрация как создания собственных, так и использования готовых цифровых технологий, что, напротив, может усугублять цифровой разрыв;

- цифровые технологии позволяют перевести часть агломерационных взаимодействий в дистанционные, бесконтактные форматы (о чем частично говорилось выше), преодолевая негативное влияние больших расстояний между участниками;

- цифровые технологии способствуют повышению качества управления сложными социально-экономическими системами, включая возможности общественного обсуждения, выработки решений, а также адаптацию городов к климатическим, другим актуальным рискам, смягчение большинства негативных последствий урбанизации²².

²⁰ Economic Diversification of the Rural Economy. Режим доступа: <https://www.ilo.org/publications/economic-diversification-rural-economy> (дата обращения: 15.01.2025).

²¹ Department for Environment, Food & Rural Affairs. Accredited official statistics. Chapter 5: Diversification. Updated 20 December 2024. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/statistics/farm-accounts-in-england/chapter-5-diversification--2> (дата обращения: 15.01.2025).

²² Jackson R. Reshaping Urban Futures: Applying digital technologies for urban resilience. Режим доступа: <https://www.undp.org/geneva/blog/reshaping-urban-futures-applying-digital-technologies-urban-resilience> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁹ Global Ecovillage Network. Annual Report. 2023. Режим доступа: <https://ecovillage.org/about/about-gen-reports/> (дата обращения: 15.01.2025).

Таким образом, тренд цифровизации создает возможность для развития всех населенных пунктов, входящих в агломерации, но параллельно с этим обуславливает риск роста пространственного неравенства. Чтобы продуктивно использовать цифровые технологии для повышения интенсивности внутренних связей, сбалансированного развития всей агломерации, потребуются, в частности, создание цифровых открытых пространств взаимодействия, дополняющих традиционные физические связи.

Дифференцированная урбанизация.

В статистических расчетах соотношения городского и сельского населения существуют определенные методические разночтения. Однако, по данным ООН и Всемирного банка, более половины населения мира (около 4,4 млрд чел.) уже живут в городах. Согласно прогнозам, к 2050 г. эти показатели составят 70 % и 8,8 млрд чел. соответственно²⁵. Данный тренд будет обусловлен урбанизацией Глобального Юга, в особенности стран Азии и Африки, где растущее население продолжит перемещаться в города (причем там урбанизация в весьма ограниченной степени способствует экономическому развитию, но вызывает быстрый рост выбросов парниковых газов). В большинстве стран Глобального Севера, включая Россию, удельный вес городского населения подошел фактически к своему «потолку». В них ожидается развитие более сложных процессов – субурбанизации, дезурбанизации и реурбанизации [19], поскольку при достижении «уровня насыщения» около 80 % рост доли городского населения практически завершается [20].

В частности, дезурбанизация, субурбанизация активизировались под влиянием таких факторов, как высокая стоимость жилья в крупных городах, распространение бесконтактной экономики, удаленной занятости. Особенно стимулировала эти тенденции пандемия COVID-19. Перемещение людей в малые города, поселки, сельскую местность создает возможности для формирования более сбалансированной пространственной модели расселения в агломерациях.

Изменения климата и зеленый переход.

Борьба с изменением климата, предусмотренная ЦУР 13 – требует снижения выбросов парниковых газов, сокращения потребления ископаемых топлив. При этом на города приходится около 70 % мировых выбросов, поэтому 11-й ЦУР ООН включает обеспечение экологической устойчивости

населенных пунктов²⁴. Документы программы ООН-Хабитат прогнозируют, что с повышением температуры воздуха на 0,5 °C в 2040 г. столкнется более 2 млрд чел. городского населения, а 36 % населения – со среднегодовой температурой 29 °C и выше. Кроме того, изменение климата ставит под угрозу наводнений, затоплений более 2000 городов, расположенных в прибрежных зонах (в этих городах в 2024 г. жило около 1,4 млрд чел.)²⁵. Глобальные климатические тренды требуют участия в инициативах и проектах по сокращению нагрузки на окружающую среду, а также повышения готовности к природным катаклизмам. Вместе с тем территория Кемеровской области – Кузбасса, где расположены объекты стратегирования, не подвержена рискам, связанным с повышением уровня Мирового океана.

Следует учитывать, что зеленый переход, декарбонизация создают стратегическую угрозу экономике региона в силу ее зависимости от экспорта угля. Международное энергетическое агентство ожидает, что в 2026 г. по сравнению с 2024 г. мировая торговля углем сократится на 12 % вследствие переориентации Индии на собственную добычу, продолжения энергетического перехода в Китае²⁶. Причем Кемеровская область – Кузбасс в силу экономико-географического положения находится в более сложной ситуации, чем другие регионы России и зарубежные экспортеры угля. Следовательно, для стратегизируемых агломераций крайне важна диверсификация экономики. Уместно подчеркнуть, что в Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года и более длительную перспективу диверсификация экономики региона указана в качестве одного из важнейших стратегических приоритетов²⁷.

Тренды и перспективы развития национальной экономики. Кузбасские агломерации

²⁴ Цели в области устойчивого развития. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> (дата обращения: 15.01.2025).

²⁵ Cities and Climate Action. World Cities Report. Режим доступа: https://unhabitat.org/sites/default/files/2024/11/wcr2024_fact_and_key_messages_f.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

²⁶ Coal 2023. Analysis and forecast to 2026. Режим доступа: https://iea.blob.core.windows.net/assets/a72a7ffa-c5f2-4ed8-a2bf-eb035931d95c/Coal_2023.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

²⁷ Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года. Утв. Законом Кемеровской области от 26.12.2018 г. № 122-ОЗ (в ред. от 4.10.2024 г. № 97-ОЗ). Режим доступа: <https://ako.ru/upload/medialibrary/3ae/1xldtamvjuuy9o8de7dzs6z9x0d1wslы/Закон%20№%2097-ОЗ.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

²⁵ Urban Development. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/topic/urbandevelopment/overview#2> (дата обращения: 15.01.2025).

как часть экономики России зависят от перспектив ее развития, в частности, от будущего спроса на товары, которые уже производятся или будут производиться в регионе. Прогноз Министерства экономического развития РФ предполагает следующую макроэкономическую динамику, представленную в **табл. 1**.

Как видно из данных табл. 1, даже базовый сценарий предполагает определенное замедление темпов экономического роста и объемов инвестирования по сравнению с 2024 г. При этом промышленное производство будет иметь более слабую динамику роста, чем валового внутреннего продукта (ВВП) в целом. Следовательно, предполагается опережающее развитие третичного сектора экономики России, а радикальной структурной перестройки в пользу обрабатывающих производств не ожидается. Далее, на 2025–2027 гг., прогнозируется среднегодовой темп прироста валового регионального продукта (ВРП) Кемеровской области – Кузбасса на уровне 1,5 %, что ниже общероссийского уровня. Расчет дескриптивной статистики данного индикатора для совокупности регионов России, включенных в прогноз, показал, что среднее значение составляет около 2,8 %, медианное – около 2,7 % при умеренном коэффициенте вариации (50,3 %). Лишь в 9 субъектах РФ ожидаются равные или

более низкие темпы прироста ВРП, чем в Кемеровской области – Кузбассе²⁸.

Вероятно, это во многом связано с сокращением удельного веса добычи полезных ископаемых в экономике России в целом, что дополнительно подтверждает необходимость диверсификации региона. При реализации базового и тем более консервативного сценария для Кемеровской области – Кузбасса достаточно сложно выделить какие-либо «окна возможностей», если не ориентироваться на стратегии новых горизонтов, т.е. серьезные преобразования сложившейся модели развития [2, с. 41].

Изменение подходов к пространственному развитию. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. делала акцент на ускорение развития за счет концентрации факторов производства в городских агломерациях традиционного типа как центрах роста. В новой Стратегии пространственного развития, утвержденной в декабре 2024 г., для достижения цели («формирование сбалансиро-

²⁸ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/file/b028b88a60e6ddf67e9fe9c07c4951f0/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2025-2027.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

Таблица 1 / Table 1

Прогноз макроэкономических показателей России на среднесрочную перспективу на 2024–2027 гг., %

Forecast of macroeconomic indicators of Russia for the medium term (%)

Показатель	2024	2025	2026	2027
Базовый сценарий				
Темпы прироста ВВП	3,9	2,5	2,6	2,8
Темпы прироста инвестиций в основной капитал	7,8	2,1	3,0	3,3
Темпы прироста промышленного производства	4,0	2,0	2,4	2,6
Консервативный сценарий				
Темпы прироста ВВП	3,9	1,7	1,0	2,6
Темпы прироста инвестиций в основной капитал	7,8	0,6	-1,8	3,0
Темпы прироста промышленного производства	4,0	0,4	0,9	1,5
Доля некоторых видов экономической деятельности в ВВП				
Добыча полезных ископаемых	11,6	11,3	11,0	10,8
Обрабатывающие производства	12,8	12,7	12,7	12,7
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	12,4	12,7	12,7	12,8

Источник: составлено авторами на основе: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/file/b028b88a60e6ddf67e9fe9c07c4951f0/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2025-2027.pdf (дата обращения: 20.01.2025).
Source: compiled by the authors based on Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027. Available from: https://economy.gov.ru/material/file/b028b88a60e6ddf67e9fe9c07c4951f0/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2025-2027.pdf (accessed on 20.01.2025).

ванной системы расселения и территориальной организации экономики»²⁹⁾ предусматривается поддержка территорий со сравнительно низким уровнем развития, повышение устойчивости системы расселения с акцентом на малые и средние города, село, а также «сокращение уровня межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии»³⁰⁾. Данный тренд изменения подходов к пространственному развитию создает благоприятные условия для стратегирования агломераций нового типа, поскольку они ориентированы на сокращение внутрирегионального неравенства.

Изменение пространственной значимости агломераций. Российские агломерации отличаются значительной дифференциацией пространственных позиций в экономике. Во многих крупных агломерациях, которые «возглавляют» города с численностью населения около

²⁹⁾ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ttXJcZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQa8SYR91B.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁰⁾ Там же.

1 млн чел., эффекты концентрации и агломерации довольно слабы, а показатели развития хуже среднероссийского уровня. Растет отрыв Московской, Санкт-Петербургской агломераций от остальных, даже крупнейших агломераций, что обусловлено исторически сложившимися отличиями в размерах ведущих городов России.

Согласно данным исследования Фонда «Институт экономики города» в 2021 г. (более актуальные данные на момент выполнения исследования не опубликованы) численность населения Московской агломерации составляла 18,9 млн чел., Санкт-Петербургской – 6,7 млн чел. В остальных 15 крупнейших агломерациях этот показатель варьировался от 0,9–1,0 до 2,5–2,7 млн чел. Валовой городской продукт (ВГП) Московской агломерации в 2021 г. оценивался в 30,8 трлн руб., Санкт-Петербургской – в 10,3 трлн руб. В других 15 агломерациях он составлял от 0,8–0,9 до 2,5–2,6 трлн руб. [21, с. 16] (разница в большинстве случаев на порядок, в 10 раз и более). При такой асимметрии часть агломераций отстает даже от средних показателей по стране, что указывает на неполное использование агломерационного потенциала. Этот тренд иллюстрируют данные **табл. 2**.

Таблица 2 / Table 2

Основные показатели развития крупнейших агломераций России, %

Key development indicators of the largest agglomerations in Russia (%)

Агломерация	Прирост населения, 2010–2021 гг.	Прирост ВГП (ВРП), 2013–2021 гг.	Прирост реальной средней зарплаты, 2010–2021 гг.
Санкт-Петербургская	16,8	33	27,0
Новосибирская	10,3	31	41,1
Ростовская	4,7	28	33,7
Краснодарская	37,8	27	29,0
Екатеринбургская	13,3	23	24,0
Московская	16,4	21	24,7
Владивостокская	3,1	15	42,7
Казанская	15,7	14	60,8
Воронежская	7,3	14	35,6
Уфимская	10,9	12	38,9
Россия в целом	2,9	9	36,8
Нижегородская	1,7	4	31,5
Волгоградская	0,4	4	29,9
Саратовская	7,5	2	34,4
Пермская	4,2	-3	26,0
Красноярская	18,1	-3	38,0
Челябинская	5,0	-8	35,4
Самарско-Тольяттинская	-0,2	-14	35,5

Источник: составлено авторами на основе [21]

Source: compiled by the authors based on [21]

Показатели доступности жилья в России
Housing affordability indicators in Russia

Показатель	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Кузбасс, 2023 г.
Коэффициент доступности жилья	4,3	3,5	3,2	3,3	3,6	3,9	3,7	3,6
Доля семей, способных купить квартиру площадью 54 м ² с помощью собственных и заемных средств, %	23,6	30,8	49,7	55,9	55,1	56,3	54,5	55,9
Индекс доступности приобретения жилья, %	78,0	91,4	133,0	147,3	146,1	145,1	141,4	134,1

Источник: составлено авторами на основе [23]

Source: compiled by the authors based on [23]

В соответствии с теоретическими представлениями, экономика агломераций должна расти быстрее, чем в среднем по стране [22, с. 11]. Но в 7 из 17 крупнейших агломераций этого не наблюдалось (в 4 из них ВВП вообще снизился). Наряду с этим, агломерации существенно различаются по темпам прироста населения, в Самарско-Тольяттинской число жителей уменьшилось.

Приведенные данные можно дополнить также выводами из материалов доклада фонда «Центр стратегических разработок», где рассматривалось 22 агломерации за период 2017–2021 гг. В нем показано, что без учета Московской и Санкт-Петербургской доля остальных 20 агломераций в численности населения страны практически не изменилась, концентрации населения не происходит. Валовая добавленная стоимость на душу населения в трети агломераций ниже среднего по экономике России. Удельный вес 21 агломераций (без Московской) в общероссийских инвестициях снизился. Только в 6 агломерациях инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения выше среднего по стране уровня³¹.

Таким образом, многие агломерации сталкиваются с большими трудностями, им сложно реализовать потенциал пространственной концентрации. Многие агломерации продолжают оставаться недостаточно развитыми, их перспективы выглядят неоднозначно. Изменение тренда требует использования стратегии новых горизонтов.

Снижение доступности жилья. Значимым фактором, влияющим на процессы урбанизации, пространственной концентрации, является доступность жилья. Обобщенные показатели доступности жилья приведены в **табл. 3**.

³¹ Агломерации – точки роста в эпоху турбулентности. Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/074/gcsv6k8sicxgtqiicxgzaexgldhjszv1.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

Как видно из данных табл. 3, доступность жилья в России находилась на наиболее высоких уровнях в конце 2010-х годов. В 2022 г. она снизилась, подойдя к границе между состояниями «жилье не очень доступно» (коэффициент доступности жилья от 3 до 4) и «приобретение жилья серьезно затруднено» (коэффициент доступности жилья более 4) по международной методологии³². Однако ситуация в 2023 г. все равно была значительно лучше, чем в 2010 г. Доступность жилья в Кемеровской области – Кузбассе в 2023 г. оказалась несколько выше среднего по стране. В разрезе разных населенных пунктов доступность жилья обратно пропорциональна численности населения находится на наиболее низких уровнях в крупнейших городах, центрах агломераций. Доступнее всего жилье в малых населенных пунктах [23].

В 2024 г. вследствие роста процентных ставок, инфляционных процессов доступность жилья снизилась. По данным исследования «РБК Недвижимость» (октябрь 2024 г.) для приобретения квартиры площадью 37 м² за счет ипотечного кредита с первым взносом 30 % и сроком 25 лет домохозяйство должно иметь следующие доходы: в Москве – около 346 тыс. руб. (ежемесячный платеж – около 208 тыс. руб.); в Санкт-Петербурге – около 235 тыс. руб. (платеж – 141 тыс. руб.); в Краснодаре – 153 тыс. руб. (92 тыс. руб.); в Новосибирске – 144 тыс. руб. (86 тыс. руб.); в Красноярске – 131 тыс. руб. (78 тыс. руб.)³³.

Даже в крупнейших агломерациях не каждое домохозяйство имеет такие доходы, особенно

³² Demographia International Housing Affordability. 2024 Edition. Режим доступа: <http://www.demographia.com/dhi.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

³³ Сколько нужно зарабатывать для оплаты ипотеки от 25% в мегаполисах. 30 октября 2024. Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/67210b789a794719a161337c> (дата обращения: 20.01.2025).

если речь идет о молодых семьях. Поэтому не случайно в 2024 г. по сравнению с 2023 г. количество проданных квартир (заключенных договоров долевого участия) в указанных выше городах сократилось на 16, 14, 34, 33 и 43 % соответственно. Причем практически все падение сбыта пришлось на массовый сегмент³⁴. По оценкам Единого ресурса застройщиков, из 16 городов России с численностью населения более 1 млн чел. лишь в Москве, Санкт-Петербурге и Красноярске средняя зарплата по региону превышает требуемый доход для получения ипотечного кредита на приобретение двухкомнатной квартиры³⁵.

Хотя зарплаты в мегаполисах, как правило, существенно выше средних по региону, следует констатировать тренд к снижению доступности жилья в крупных центрах (включая также значительный рост стоимости аренды). Это создает определенный потенциал роста спроса на жилье в менее крупных населенных пунктах, особенно при наличии возможностей для дистанционной, смешанной занятости, и повышении транспортной доступности.

Легитимизация агломераций. Достаточно долго одним из препятствий в развитии агломераций было отсутствие правовой базы как на федеральном, так и на региональном уровне, что затрудняло какую-либо деятельность, направленную на взаимодействие населенных пунктов [24]. Однако в 2022 г. в Кемеровской области – Кузбассе впервые в России был принят профильный закон, определивший цель, задачи агломераций, порядок их создания и ликвидации, принципы развития, полномочия органов власти в данной сфере³⁶. Введение агломераций в правовое поле, законодательное регулирование соответствующих отношений, создают наиболее благоприятные условия для построения агломераций нового типа.

³⁴ Спад продаж в новостройках крупных городов России составил до 46%. 20 января 2024. Режим доступа: <https://realty.rbc.ru/news/678a52a99a794765d585cbc0?from=newsfeed> (дата обращения: 20.01.2025).

³⁵ Эксперты: с какими доходами можно рассчитывать на льготную ипотеку в городе с миллионным населением. 3 апреля 2024. Режим доступа: <https://erzrf.ru/news/eksperty-s-kakimi-dokhodami-mozhno-rasschityvat-na-igotnuyu-ipoteku-v-gorode-s-millionnym-naseleniyem?fbclid=IwAR3yrv26Y1Rf0UcW25K0UeyKTDzY99KQLtJU1w5P38sr1BE-jrj1DkucGmo&tag=%D0%A0%D0%A1%D0%9D-2025> (дата обращения: 20.01.2025).

³⁶ О создании и развитии агломераций в Кемеровской области – Кузбассе: Закон Кемеровской области – Кузбасса от 24.03.2022 № 28-ОЗ (ред. от 06.03.2024. № 1 5-ОЗ). Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/file/pdf?eoNumber=4200202203300001> (дата обращения: 20.01.2025).

Рост пространственного неравенства. Кемеровской области – Кузбассу присущи тенденции концентрации населения и экономической активности. Так, в 2019 г., по данным Кемеровостата, на Кемерово приходилось около 20,9 % от общей численности населения региона, Новокузнецк – около 20,6 %, в целом на два крупнейших города – около 41,5 %. В 2023 г. данные показатели возросли до 21,4, 20,8 и 42,2 % соответственно. Еще более ярко выражено пространственное неравенство в структуре выручки по экономике региона в целом и по отдельным видам экономической деятельности (ВЭД) (табл. 4).

Приведенные данные показывают, что концентрация деловой активности в Кемеровской области – Кузбассе в последние пять лет выросла. При этом даже Новокузнецк сталкивается со снижением своей доли в экономике по сравнению с Кемерово. Данное явление носит неоднозначный характер. С одной стороны, концентрация факторов производства в крупных городах способствует ускоренному развитию. С другой стороны, чрезмерный рост пространственного неравенства имеет негативные последствия, в том числе социальные.

Таблица 4 / Table 4

Удельный вес Кемерово и Новокузнецка в экономических показателях Кемеровской области – Кузбасса, 2019 и 2023 гг., %
The share of Kemerovo and Novokuznetsk in the economic indicators of the Kemerovo region – Kuzbass, 2019 and 2023 (%)

Агломерация	2019	2023	Темпы прироста
Выручка всего			
Кемерово	32,0	38,8	6,8
Новокузнецк	36,8	32,0	-4,8
Кемерово + Новокузнецк	68,8	70,8	2,0
Объем работ по ВЭД «Строительство»			
Кемерово	59,1	72,5	13,4
Новокузнецк	20,8	13,4	-7,4
Кемерово + Новокузнецк	79,9	85,9	6,0
Оборот торговли			
Кемерово	37,9	45,6	7,7
Новокузнецк	46,5	39,2	-7,3
Кемерово + Новокузнецк	84,4	84,8	0,4

Источник: составлено авторами на основе: СПАРК. Компании Кемеровской области. Режим доступа: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/32000000000> (дата обращения: 20.01.2025).

Source: compiled by the authors based on: SPARK. Companies of Kemerovo region. Available from: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/32000000000> (accessed on 20.01.2025).

Ухудшение экономических и пространственных позиций региона. В первой четверти XXI в. для Кемеровской области – Кузбасса был характерен тренд к снижению удельного веса региона в экономике России. Кроме того, этот показатель ниже доли Кемеровской области – Кузбасса в численности населения страны (рис. 2).

Соответственно, душевой ВРП также ниже среднего уровня по экономике России, что ограничивает возможности повышения уровня жизни. Как видно из приведенных на рис. 2 данных, для региона были характерны нисходящие тренды удельного веса и по ВРП, и по численности населения. При этом первый показатель за анализируемый период снизился на 0,42 %, а вто-

рой – только на 0,26 %. Как видно из данных рис. 2, после 2010 г. удельный вес Кемеровской области – Кузбасса в сумме ВРП всех субъектов РФ существенно сократился, в 2020-х годах его удалось стабилизировать. Однако необходимы опережающие темпы роста для восстановления лидирующих позиций региона в национальном экономическом пространстве, в том числе на основе агломераций нового типа.

Ослабление конкурентоспособности, потенциала базовых отраслей. В базовых отраслях специализации Кемеровской области – Кузбасса наблюдается неустойчивая или отрицательная динамика, что подтверждается в экономических исследованиях [25; 26], а также статистических данных (табл. 5). Данные табл. 5 демонстрируют

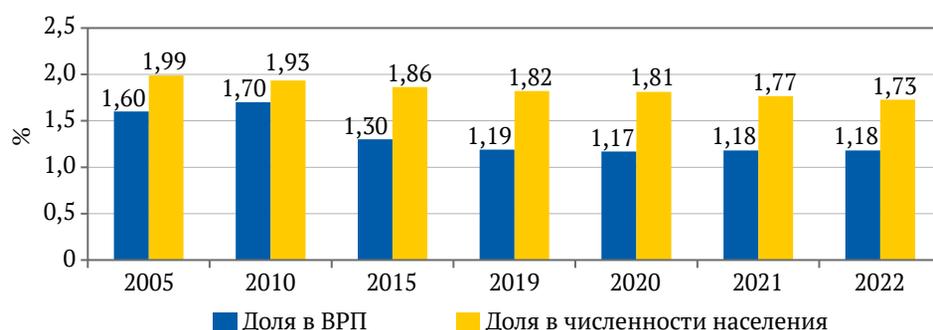

Рис. 2. Доля Кемеровской области – Кузбасса в сумме ВРП субъектов РФ и численности населения
 Источник: составлено авторами по: Статистический ежегодник «Кузбасс». Режим доступа: <http://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/EJEGOD/Main.htm> (дата обращения: 20.01.2025).

Fig. 2. The share of the Kemerovo region – Kuzbass in the total GRP of the subjects of the Russian Federation and the population

Source: compiled by the authors based on Statistical yearbook “Kuzbass”. Available from: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/32000000000> (accessed on 20.01.2025).

Таблица 5 / Table 5

Показатели динамики отраслей специализации Кемеровской области – Кузбасса, 2019–2023 гг.

Indicators of the dynamics of specialization industries of the Kemerovo region – Kuzbass, 2019–2023

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Индекс промышленного производства, %	102,9	96,2	106,8	95,9	97,9
Индекс по ВЭД «Добыча угля», %	100,4	92,7	107,9	92,9	99,6
Индекс по ВЭД «Производство металлургическое», %	111,0	101,4	94,9	94,2	92,1
Производство стали, % к предыдущему году	107,3	101,3	95,9	86,6	87,3
Производство проката, % к предыдущему году	110,8	99,7	94,6	89,9	91,0
Добыча угля, млн т	249,4	219,9	241,9	220,5	209,9
Выпуск кокса, полукокса, тыс. т	5416,2	5558,5	5386,2	4659,3	4684,1
Трубы профили пустотелые и их фитинги стальные, т	893,4	550,2	547,7	501,9	571,7

Источник: составлено авторами с использованием данных: Статистический ежегодник «Кузбасс». Режим доступа: <http://service.kemerovostat.gks.ru/bgd/EJEGOD/Main.htm> (дата обращения: 20.01.2025).

Source: compiled by the authors based on: Statistical yearbook “Kuzbass”. Available from: <https://spark-interfax.ru/statistics/region/32000000000> (accessed on 20.01.2025).

значительные колебания индекса промышленного производства с общей отрицательной динамикой (99,3 % в 2023 г. по отношению к 2019 г.), что в основном обусловлено снижением добычи угля (около 40 млн т). Также сократился выпуск и металлургической продукции.

По предварительным оперативным сведениям, за 9 мес. 2024 г. добыча угля составила 91,7 % к аналогичному периоду прошлого года, производство стали и проката – около 95 %³⁷. По данным Кемеровостата, индекс промышленного производства за январь–ноябрь 2024 г. по отношению к январю–ноябрю 2023 г. снизился до 93,7 %. Это подтверждает необходимость радикальной диверсификации экономики в пользу обрабатывающих производств, третичного сектора на базе потенциала агломераций нового типа.

³⁷ Итоги социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса за 9 месяцев 2024 г. Режим доступа: https://economy.kemobl.ru/upload/Серёдкина%20ИИтоги_социально_экономического_развития_Кемеровской_области_Кузбасса.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

Заключение

Созданию открытых диффузных агломераций благоприятствует ряд трендов: снижение значимости физических расстояний между населенными пунктами, рост городов по вертикали, «перегрузка» крупнейших центров с достижением максимальных уровней урбанизации и последующей субурбанизацией, развитие креативных и умных городов, цифровизация, диверсификация экономики села, сельский туризм, популярность экопоселений и зеленый переход.

В контексте национальной экономики следует выделить тренд на сокращение пространственного неравенства, изменение доступности жилья. В то же время прогнозы экономики страны и разная степень пространственной значимости даже крупнейших городов требуют реализации стратегий новых горизонтов для агломерационного развития Кемеровской области – Кузбасса. Это же подтверждают региональные тренды снижения удельного веса Кузбасса в экономике страны, ослабления потенциала базовых отраслей специализации, роста пространственной концентрации. Агломерации нового типа должны парировать эти вызовы.

Список литературы / References

1. Квинт В.Л. *Концепция стратегирования*. В 2 т. Т. 1. СПб.: СЗИУ РАНХиГС; 2019. 132 с.
2. Квинт В.Л. *Концепция стратегирования*. Кемерово: КемГУ; 2022. 170 с. <https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7>
3. Квинт В.Л. Теоретические основы и методология стратегирования Кузбасса как важнейшего индустриального региона России. *Экономика промышленности*. 2020;13(3):290–299. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-290-299>
Kvint V.L. Theoretical basis and methodology of strategizing of the private and public sectors of the Kuzbass region as a medial subsystem of the national economy. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2020;13(3):290–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2020-3-290-299>
4. Цивилев С.Е. Стратегические направления достижения агломерационных эффектов. *Стратегирование: теория и практика*. 2024;4(3):284–297. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-3-284-297>
Tsivilev S.E. Strategizing directions for agglomeration effects. *Strategizing: Theory and Practice*. 2024;4(3):284–297. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-3-284-297>
5. Цивилев С.Е. Процесс стратегирования формирования и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе. *Экономика промышленности*. 2024;17(3):237–244. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1341>
Tsivilev S.E. The process of strategizing the formation and development of agglomerations in the Kemerovo region – Kuzbass. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2024;17(3):237–244. (In Russ.). <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2024-3-1341>
6. Сerebyuk И.В., Корчагина И.В. Агломерация как стратегический трек развития региона: перспективы и ограничения. *Стратегирование: теория и практика*. 2023;3(4):379–392. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-4-379-392>
Serebyuk I.V., Korchagina I.V. Agglomeration as a strategic track for the regional development: prospects and limitations. *Strategizing: Theory and Practice*. 2023;3(4):379–392. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2023-3-4-379-392>
7. Сerebyuk И.В. Стратегический потенциал создания открытых диффузных агломераций региона и особенности их стратегирования. *Стратегирование: теория и практика*. 2024;4(4):420–437. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-4-420-437>
Serebyuk I.V. Open diffuse regional agglomerations: strategic potential and strategizing. *Strategizing: Theory and Practice*. 2024;4(4):420–437. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2024-4-4-420-437>

8. *Экономическая и финансовая стратегия*. Под науч. ред. В.Л. Квинта. М.: Издательство Московского университета; 2024. 248 с.
9. Kvint V.L., Bodrunov S.D. *Strategizing societal transformation. Knowledge, technologies, and noonomy*. USA (Palm Bay): Canada (Burlington): United Kingdom (Abingdon): Apple Academic Press; 2023. 228 p.
10. Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. *Градоведение*. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного экономического университета; 2008. 417 с.
11. Перцик Е.Н. Проблемы развития городских агломераций. *Academia. Архитектура и строительство*. 2009;(2):63–69.
Percik E.N. Problems of urban agglomeration development. *Academia. Architecture and Construction*. 2009;(2): 63–69. (In Russ.)
12. Растворцева С.Н. Экономическая активность регионов России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018;11(1):84–99. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6>
Rastvortseva S.N. Economic activity in Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018;11(1):84–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6>
13. Суворова А.В. Городские агломерации: особенности функционирования и методологические принципы развития. *Теоретическая и прикладная экономика*. 2023;(4):1–17. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2023.4.68863>
Suvorova A.V. Urban agglomerations: functioning and methodological principles of development. *Theoretical and Applied Economics*. 2023;(4):1–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2023.4.68863>
14. Fu W., Luo C., He S. Does urban agglomeration promote the development of cities? An empirical analysis based on spatial econometrics. *Sustainability*. 2022;14(21):14512. <https://doi.org/10.3390/su142114512>
15. Dong X., Zhang X., Zhou Q. Underload and overload communities: Revealing the conflicts between population distribution and carrying capacity at an inner-city community scale. *Sustainable Cities and Society*. 2023;98:104793. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2023.104793>
16. Froelking S., Mahtta R., Milliman T., Esch T., Seto K. Global urban structural growth shows a profound shift from spreading out to building up. *Nature Cities*. 2024;1:555–566. <https://doi.org/10.1038/s44284-024-00100-1>
17. Peira G., Longo D., Pucciarelli F., Bonadonna A. rural tourism destination: The ligurian farmers' perspective. *Sustainability*. 2021;13(24):13684. <https://doi.org/10.3390/su132413684>
18. Malik P., Singh R., Gehlot A., Akram S., Das P. Village 4.0: Digitalization of village with smart internet of things technologies. *Computers & Industrial Engineering*. 2022;165:107938. <https://doi.org/10.1016/j.cie.2022.107938>
19. Cividino S., Halbac-Cotoara-Zamfir R., Salvati L. Revisiting the “City life cycle”: global urbanization and implications for regional development. *Sustainability*. 2020;12(3):1151. <https://doi.org/10.3390/su12031151>
20. Chen S., Huang Q., Muttarak R., Fang J., Liu T., He C., Liu Z., Zhu L. Updating global urbanization projections under the Shared Socioeconomic Pathways. *Scientific Data*. 2022;9:137. <https://doi.org/10.1038/s41597-022-01209-5>
21. *Долгосрочные тренды в экономике, жилищной и градостроительной сферах крупнейших городских агломераций России*. Под ред. Н.Б. Косаревой. М.: Фонд «Институт экономики города»; 2023. 84 с.
22. Растворцева С.Н., Блохина С.Д. Региональные агломерационные эффекты в экономике России. *Проблемы развития территории*. 2024;28(3):10–28. <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.3.131.2>
Rastvortseva S.N., Blokhina S.D. Regional agglomeration effects in Russia's economy. *Problems of Territory's Development*. 2024;28(3):10–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.3.131.2>
23. *Доступность жилья в России*. М.: Фонд «Институт экономики города»; 2024. 55 с.
24. Лисина Н.Л., Ушакова А.П., Баев В.Д. Законодательные основы создания и развития агломераций в Кемеровской области – Кузбассе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023;7(2):214–223. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-214-223>
Lisina N.L., Ushakova A.P., Baev V.D. Legislative basis for the development of agglomerations in the Kemerovo region (Kuzbass). *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2023;7(2):214–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-2-214-223>
25. Ивантер В.В., Клепач А.Н., Кувалин Д.Б., Широков А.А., Янков К.В. Программа первоочередных действий по социально-экономическому возрождению Кузбасса. *ЭКО*. 2018;48(11):31–46. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-11-31-46>
Ivanter V.V., Klepach A.N., Kuvalin D.B., Shirov A.A., Yankov K.V. The priority action program for social and economic recovery of Kuzbass region. *ECO*. 2018;48(11):31–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-11-31-46>
26. Хохрина О.И. Кузбасс-2035: территория как драйвер роста экономики. *Мир экономики и управления*. 2020;20(4):61–77. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-4-61-77>
Khokhrina O.I. Kuzbass-2035: the territory as a driver of economic growth. *World of Economics and Management*. 2020;20(4):61–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-4-61-77>

Информация об авторах

Владимир Львович Квинт – академик, иностранный член РАН, д-р экон. наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61, Российская Федерация; заведующий кафедрой индустриальной стратегии Института экономики и управления, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», 119049, Москва, Ленинский просп., д. 4, стр. 1, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7189>; e-mail: vlkvint@gmail.com

Илья Владимирович Середюк – губернатор, Администрация Правительства Кемеровской области – Кузбасса, 650064, Кемерово, Советский просп., д. 62, Российская Федерация; преподаватель кафедры стратегии отраслевого и регионального развития, Кемеровский государственный университет, 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6, Российская Федерация; e-mail: seriv009@mail.ru

Information about the authors

Vladimir L. Kvint – Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Honored Fellow of Higher Education of the Russian Federation, Chair, Economic and Financial Strategy Department at Lomonosov Moscow State University, Moscow School of Economics, 1-61 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation; Head of the Department of Industrial Strategy of Institute of Economics and Management, National University of Science and Technology “MISIS”, 4-1 Leninskiy Ave., Moscow 119049, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0629-7189>; e-mail: vlkvint@gmail.com

Ilya V. Seredyuk – Governor of the Kemerovo Region – Kuzbass, Administration of the Government of the Kemerovo Region – Kuzbass, 62 Sovetsky Ave., Kemerovo 650064, Russian Federation; Lecturer, Department of Industrial and Regional Development Strategy, Kemerovo State University, 6 Krasnaya Str., Kemerovo 650000, Russian Federation; e-mail: seriv009@mail.ru

Поступила в редакцию 17.02.2025; поступила после доработки 19.02.2025; принята к публикации 04.03.2025

Received 17.02.2025; Revised 19.02.2025; Accepted 04.03.2025